

Pontus Septentrionalis II Pontus Septentrionalis II
Танаис 2 Tanais 2

К. К. Марченко, В. Г. Житников, В. П. Копылов К. К. Marčenko, V. G. Žitnikov, V. P. Kopylov
Елизаветовское городище на Дону Die Siedlung Elizavetovka am Don

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

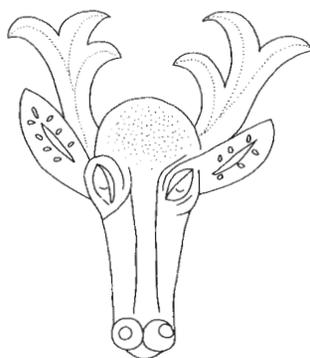
ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ЕВРАЗИЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

PONTUS SEPTENTRIONALIS II

ТАНАИС 2

Под редакцией

Татьяны М. Арсеньевой, Буркхарда Бёттгера и Юрия Г. Виноградова

Серия издается под научным руководством:

Г. М. Бонгард-Левина (Москва), Х. Кюриеляйса (Берлин),
Р. М. Мунчаева (Москва), Г. Парцингера (Берлин)

DEUTSCHES ARCHÄOLOGISCHES INSTITUT
EURASIEN-ABTEILUNG

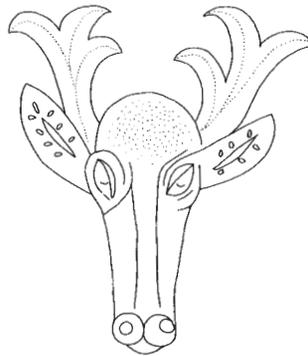
INSTITUT FÜR ARCHÄOLOGIE DER RUSSISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
INSTITUT FÜR ALLGEMEINE GESCHICHTE DER RUSSISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
ZENTRUM FÜR VERGLEICHENDE ERFORSCHUNG DER ALTEN ZIVILISATIONEN

PONTUS SEPTENTRIONALIS II

TANAIS 2

Herausgegeben von

Tat'jana M. Arsen'eva, Burkhard Böttger und Jurij G. Vinogradov

WISSENSCHAFTLICHER BEIRAT DER REIHE:

G. Bongard-Levin (Moskau), H. Kyrieleis (Berlin),
R. Munčaeu (Moskau), H. Parzinger (Berlin)

PONTUS SEPTENTRIONALIS II
ТАНАИС 2

Константин К. Марченко, Виктор Г. Житников, Виктор П. Копылов

Елизаветовское городище на Дону

Москва 2000

PONTUS SEPTENTRIONALIS II
TANAIS 2

Konstantin K. Marčenko, Viktor G. Žitnikov, Viktor P. Kopylov

Die Siedlung Elizavetovka am Don

Moskau 2000

Pontus Septentrionalis II, Танаис 2

Pontus Septentrionalis II, Tanais 2

Константин К. МАРЧЕНКО, Виктор Г. ЖИТНИКОВ, Виктор П. КОПЫЛОВ.

Елизаветовское городище на Дону. Москва 2000

Konstantin K. MARČENKO, Viktor G. ŽITNIKOV, Viktor P. KOPYLOV.

Die Siedlung Elizavetovka am Don. Moskau 2000

Deutsche Übersetzung von Burkhard Böttger

Fotografien der Autoren

© Konstantin K. Marčenko, Viktor G. Žitnikov, Viktor P. Kopylov, 2000

© Институт археологии РАН, 2000

© Центр сравнительного изучения древних цивилизаций

Института всеобщей истории РАН, 2000

© Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts, 2000

© Deutsche Übersetzung von Burkhard Böttger, 2000

© Paleograph, 2000

ISBN 5-89526-006-3

Published by Paleograph Publishers for German Archaeological Institute

Printed in Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
Глава 1. История археологического изучения	12
Глава 2. Палеогеография дельты Дона, топография и стратиграфия Елизаветовского городища	30
Глава 3. Хронология и периодизация истории Елизаветовского городища	54
Глава 4. Оборонительные сооружения	72
Глава 5. Строительные комплексы местного населения (жилые и хозяйственные сооружения)	92
Глава 6. Керамический комплекс	132
Глава 7. Экономика (скотоводство, земледелие, рыболовство, охота, ремесла и домашние промыслы, торговля)	166
Глава 8. Елизаветинский курганный могильник	214
Глава 9. Некоторые культурно-исторические замечания и выводы (вместо заключения)	228
Глава 10. Греческие поселения на территории Елизаветинского городища	248
Список литературы	264
Список сокращений	273
Список иллюстраций	274
Таблицы 1–72	283

INHALT

Einleitung	9
Kapitel 1. Archäologische Forschungsgeschichte	13
Kapitel 2. Paläogeographie des Don-Deltas, Topographie und Stratigraphie der Elizavetovka-Siedlung	31
Kapitel 3. Chronologie und Periodisierung der Geschichte der Elizavetovka-Siedlung	55
Kapitel 4. Die Verteidigungsanlagen	73
Kapitel 5. Die Architekturkomplexe der einheimischen Bevölkerung (Wohn- und Wirtschaftsbauten)	93
Kapitel 6. Der keramische Komplex	133
Kapitel 7. Die Wirtschaft (Viehzucht, Ackerbau, Fischfang, Jagd, Handwerk und Hausgewerbe, Handel)	167
Kapitel 8. Die Kurgannekropole von Elizavetovka	215
Kapitel 9. Kulturhistorische Bemerkungen und Schlußfolgerungen	229
Kapitel 10. Die griechischen Niederlassungen auf dem Territorium der Elizavetovka-Siedlung	249
Literaturverzeichnis	264
Abkürzungsverzeichnis	273
Abbildungsverzeichnis	275
Tafeln 1–72	283

Очередной задачей будущих исследователей является переход от раскопки курганов к раскопке древних городских поселений местного населения по течению великих русских рек.

М. И. Ростовцев.

«Эллинизм и иранство на юге России».

Петроград, 1918. 127.

Введение

Елизаветовское городище, расположенное в дельте Дона, в 3 км к северо-востоку от станицы Елизаветинской¹ Азовского района Ростовской области, является одним из крупнейших поселений степной зоны Северного Причерноморья раннего железного века. Пограничное положение поселения — на стыке трех больших этнических массивов — скифского, савроматского (сарматского) и меотского, с одной стороны, и в непосредственной близости от эллинских городов Боспорского государства, с другой, наличие удобных речно-морских дорог и богатство природных ресурсов Нижнего Дона — сделали Елизаветовское городище главным, если не единственным, центром оптовой «международной», а также межплеменной торговли всей юго-восточной части геродотовой Скифии. В этом основном значении Елизаветовское городище не имеет себе равных среди местных поселений Северного Причерноморья скифского периода для выяснения механизма зарождения и развития варварских и, что особенно важно, греко-варварских контактов и взаимоотношений.

В настоящее время имеются все основания полагать, что не позднее середины IV в. до н. э. Елизаветовское городище превратилось в поселение городского типа, в число функций которого, наряду с базовой — торговой, четко прослеживаются функции административная, религиозная, центрального места и убежища. По своей роли оно по праву может считаться своего рода «столицей» всего Нижнего Подонья, а отчасти, вероятно, и Северо-Восточного Приазовья.

В результате многолетних раскопок городища, проводимых Южно-Донской экспедицией ИИМК РАН (бывшее ЛОИА АН СССР), добыт огромный, во многом уникальный, археологический материал, позволяющий дать не только развернутую характеристику отдельных элементов материальной культуры жителей дельты Дона скифского периода, но и рассмотреть основные этапы истории самого поселения — от момента его возникновения и начала прямых экономических и культурных связей с греками до гибели «столицы» и основания здесь, на ее «акрополе», большой колонии боспорян.

Aufgabe der künftigen Forscher ist es, von den Ausgrabungen der Kurgane zur Freilegung der antiken Siedlungen der einheimischen Bevölkerung an den großen russischen Strömen überzugehen.

M. И. Ростовцев.

«Эллинизм и иранство на юге России».

Петроград, 1918. 127.

Einleitung

Die Siedlung von Elizavetovka liegt im Don-Delta, drei Kilometer nordöstlich der Stanica Elizavetinskaja¹, Rayon Azov, Gebiet Rostov. Sie ist eine der größten früheisenzeitlichen Siedlungen der Steppenzzone des nördlichen Schwarzmeergebiets. Ihre geographische Lage am Schnittpunkt dreier großer ethnischer Massive — des skythischen, des sauromatischen (sarmatischen) und des mäotischen — einerseits und die unmittelbare Nähe zu den Griechenstädten des Bosporanischen Reiches andererseits, die bequemen Fluß- und Seeverbindungen und die reichen natürlichen Ressourcen des unteren Don-Gebiets ließen Elizavetovka zum wichtigsten, wenn nicht sogar einzigen Zentrum des »internationalen« Handels und des Warenaustausches zwischen den Stämmen im Südosten des Herodoteischen Skythien werden. In dieser Hauptbedeutung ist Elizavetovka für die Klärung des Mechanismus von Entstehung und Entwicklung der Kontakte und Wechselbeziehungen zwischen den Barbaren und zwischen Barbaren und Griechen einzigartig im Vergleich mit den anderen einheimischen Siedlungen des Nordpontos in skythischer Zeit.

Heute darf mit Recht angenommen werden, daß Elizavetovka spätestens in der Mitte des 4. Jhs. v. Chr. zu einer Siedlung städtischen Typs geworden war, mit deren Hauptfunktion — dem Handel — die eines Zentralortes mit Administration, religiösem Mittelpunkt und Asylstätte eng verbunden war. Seiner Rolle nach darf man den Ort als eine Art »Hauptstadt« des gesamten unteren Don- und wahrscheinlich auch des nordöstlichen Azov-Gebiets bezeichnen.

Die langjährigen Ausgrabungen, die von der Süd-Don-Expedition des Instituts für Geschichte der materiellen Kultur (ehemals Leningrader Abteilung des Instituts für Archäologie der Akademie der Wissenschaften der UdSSR) durchgeführt werden, haben umfangreiche, in vieler Hinsicht einmalige archäologische Materialien erbracht, die es ermöglichen, nicht nur eine eingehende Charakteristik der Einzelelemente der materiellen Kultur der Bewohner des Don-Deltas in skythischer Zeit zu geben, sondern auch die Haupttappen der Geschichte der Siedlung aufzuzeigen — von ihrer Entstehung und vom Beginn direkter ökonomischer und

Свое исследование авторы посвящают светлой памяти безвременно скончавшегося Иосифа Бениаминовича Брашинского — начальника Южно-Донской экспедиции ЛОИА, под руководством которого они сделали свои первые самостоятельные шаги в археологии Нижнего Подонья.

В течение целого ряда лет (1966—1993 гг.) Южно-Донская экспедиция работала при участии и в тесном сотрудничестве с Ростовским и Азовским краеведческими музеями, а в последнее время с Ростовским педагогическим университетом. Достигнутыми успехами она целиком обязана самоотверженному труду всего коллектива сотрудников. В разные годы особенно важным был вклад в работу Л. К. Галаниной, С. А. Данильченко, Я. В. Доманского, И. П. Засецкой, Г. М. Мелентьевой, С. А. Науменко, А. В. Носкова, Е. Я. Рогова, И. Н. Хлопина, Н. Ф. Федосеева, Э. В. Яковенко, С. Ю. Янгулова. Всем им авторы обязаны тем, что настоящая монография могла быть создана.

¹ Ранее станица называлась Елисаветовской и соответственно этому и городище именовалось Елисаветовским — наименование встречающееся в археологической литературе и по сей день. Вместе с тем, начиная с 50-ых годов XX в. в научной литературе стало прочно укореняться и другое написание названия городища — Елизаветовское, которого придерживаемся и мы. В краеведческой литературе встречается еще одно наименование — Елизаветинское, применение которого нельзя признать удачным, поскольку оно способно привести к путанице с одноименным городищем на Кубани.

kultureller Beziehungen zu den Griechen an bis zum Untergang der »Hauptstadt« und der Gründung einer großen Kolonie der Bosporaner auf der »Akropolis« der Siedlung.

Vorliegende Arbeit widmen die Autoren dem Andenken an den verstorbenen Leiter der Süd-Don-Expedition der Leningrader Abteilung des Instituts für Archäologie, Josif Beniaminovič Brašinskij, unter dessen Führung sie ihre ersten selbständigen Schritte in der Archäologie des südlichen Don-Gebiets unternommen haben.

Viele Jahre lang (1966–1993) arbeitete die Expedition eng mit den Museen in Rostov und Azov, in letzter Zeit auch mit der Pädagogischen Universität Rostov zusammen. Die erzielten Erfolge verdankt sie der aufopferungsvollen Arbeit des gesamten Mitarbeiterteams, aus dem sich L. K. Galanina, S. A. Danil'čenko, Ja. V. Domanskij, I. P. Zaseckaja, G. M. Melent'eva, S. A. Naumenko, A. V. Noskov, E. Ja. Rogov, I. N. Chlopin, N. F. Fedoseev, E. V. Jakovenko und S. Ju. Jangulov besondere Verdienste erworben haben. Ihnen allen verdanken die Autoren, daß vorliegende Monographie geschrieben werden konnte.

¹ Früher hieß der Ort Stanica Elisavetovskaja; dementsprechend wurde auch die Siedlung Elisavetovskoe benannt — eine Bezeichnung, die sich in der archäologischen Literatur bis zum heutigen Tag findet. Seit den fünfziger Jahren bürgerte sich der Name Elizavetovskoe (Kurzform: Elizavetovka) ein, den auch wir hier verwenden. Der in der lokalen Literatur gelegentlich verwendete Name Elizavetinskoe erscheint ungeeignet, da er zu Verwechslungen mit der gleichnamigen Siedlung am Kuban führt.

История археологического изучения

Елизаветовское городище было открыто сравнительно поздно. Уже были известны остатки древнегреческого города у современного селения Недвиговка (Танаис), известны были и так называемые Пятибратние курганы в дельте Дона, которые еще в начале – первой четверти XIX в. видели Э. Д. Кларк (в 1800 г.)¹ и И. А. Стемпковский (в 1823–1824 гг.)², а о Елизаветовском городище никаких сведений не имелось. Своим открытием оно обязано рождению идеи о двух Танаисах — дополемоновском и постполемоновском. Движимый этой идеей, автор ее — профессор Московского университета П. М. Леонтьев осенью 1853 г. во время раскопок Недвиговского городища в поисках древнего Танаиса обследовал главный остров донской дельты, ограниченный двумя основными рукавами Дона — главным его руслом и Мертвым Донцом³. Здесь, к северо-востоку от станицы Елизаветовской, которая в то время имела и другое название — Щучья, за Казачьим ериком, он обнаружил городище «и притом еще более обширное нежели Недвиговское». «В истории разысканий в устьях Дона, — сообщает П. М. Леонтьев, — оно составляет открытие нам принадлежащее»⁴.

П. М. Леонтьев дал описание Елизаветовского городища и начал раскопки на нем пяти «пробных ям» в местах, казавшихся ему наиболее надежными, но вскоре, едва начав исследования, приостановил их, поскольку, как он писал в донесении министру Уделов Л. А. Перовскому от 15 октября 1853 г., «в почве попадалось мало следов от зданий древнего населения»⁵.

П. М. Леонтьев расположил свои шурфы на наиболее возвышенной части городища: на предполагаемой пристани у северного его края, примыкающего к Дугину ерику, у въезда с «пристаней» в городище, на северо-западном углу внутреннего вала и на двух всхолмлениях в середине городища ближе к северному и восточному валам⁶. По словам раскопщика, в шурфах не было найдено никаких вещей, кроме одной «чашечки хорошей формы и черною поливкой и вообще попадалось мало остатков древних построек»⁷. Естественно, что в соответствии с уровнем и целями тогдашней археологии Леонтьев не считал достойным внимания рядовой массовый археологический материал и поэтому не счел нужным даже упомянуть его. Но среди подъемного материала с поверхности городища он отметил находку двух ручек греческих амфор с клеймами⁸.

Разочаровавшись в раскопках городища, П. М. Леонтьев в поисках доказательств в пользу существования здесь древнего Танаиса обратился к исследованиям елизаветовских курганов, поскольку полагал, что именно курганы представляют собой «предмет разысканий во всяком случае более надежный и к тому же в особенности указанный моею инструкцией». Не считая здесь нужным подробно останавливаться на этой работе (напомним, что Леонтьевым было раскопано 23 кургана в разных частях могильника), отметим лишь, что результаты и этих раскопок его явно не удовлетворили прежде всего потому, что «для вопроса о местности древнего дополемоновского Танаиса... елизаветовские раскопки не принесли решительных данных»⁹.

Хотя, как видим, изучение елизаветовских курганов привели Леонтьева к заключению, что они, вероятно, не принадлежали дополемоновскому Танаису, а о городище, с его точки зрения, нельзя было наверное сказать ничего, он все же не отказывался от надежды найти на нем следы искомого города. Для этого ему представлялось необходимым продолжать поиски наиболее древних могил, которые

Archäologische Forschungsgeschichte

Die Siedlung von Elizavetovka wurde erst verhältnismäßig spät entdeckt. Bekannt waren schon die Überreste der griechischen Stadt Tanais beim heutigen Dorf Nedvigovka und die sogenannten Fünf-Brüder-Kurgane im Don-Delta, die noch am Anfang und im ersten Viertel des 19. Jhs. E. D. Clarke (1800)¹ und I. A. Stempkovskij (1823–1824)² gesehen hatten. Über Elizavetovka aber gab es noch keine Nachrichten. Seine Entdeckung verdankt es der Entstehung der Idee von der Existenz zweier Tanais — des vor-polemonischen und des nach-polemonischen. Der Autor dieser Idee, P. M. Leont'ev, Professor an der Moskauer Universität, besuchte im Herbst 1853 während der Ausgrabungen in der Nedvigovka-Siedlung auf der Suche nach dem älteren Tanais die Hauptinsel des Don-Deltas, die von den beiden Hauptarmen des Don — dem Hauptstrom und dem Toten Donez — eingefasst wird³. Hier fand er nordöstlich der Stanica Elizavetovskaja, die damals Ščuč'ja hieß, hinter dem Kazač'j erik eine Siedlung »noch größer als die bei Nedvigovka«. »In der Geschichte der Forschungen im Donmündungsgebiet — schreibt Leont'ev — ist sie eine Entdeckung, die uns gehört«.⁴

Leont'ev gab eine Beschreibung der Siedlung von Elizavetovka und begann Ausgrabungen mit fünf »Probegruben« an Stellen, die ihm am aussichtsreichsten erschienen. Bald aber stellte er die Arbeiten wieder ein, weil — wie er dem Minister L. A. Perovskij am 15. Oktober 1853 mitteilte — »im Boden wenig Spuren von Gebäuden einer antiken Siedlung angetroffen wurden«.⁵

Leont'ev hatte seine Schnitte an der höchsten Stelle der Siedlung angelegt: beim vermuteten Hafen am Nordrand, der an den Dugin erik grenzt, an der Einfahrt vom »Hafen« in die Siedlung, in der Nordwestecke des inneren Walls und auf zwei Erhebungen in der Mitte der Siedlung nahe dem Nord- und Ostwall.⁶ Nach den Worten des Ausgräbers wurden in den Schnitten keinerlei Sachfunde getätigt mit Ausnahme eines »Schälchens guter Form und mit schwarzer Politur, und überhaupt fanden sich wenige Reste alter Bauten«.⁷ Entsprechend dem Niveau und den Zielen der damaligen Archäologie hatte Leont'ev natürlich keinen Wert auf das archäologische Massenmaterial gelegt und es deshalb nicht einmal zu erwähnen für wert befunden. Immerhin vermerkte er von den Oberflächenfunden zwei griechische gestempelte Amphorenhenkel.⁸

Enttäuscht von der Siedlungsgrabung wandte sich Leont'ev auf der Suche nach Beweisen für die Existenz des älteren Tanais den Kurganen von Elizavetovka zu in der Annahme, daß sie »ein in jeder Hinsicht aussichtsreicherer Forschungsgegenstand sind und zudem der mir auferlegten Instruktion in besonderem Maße entsprechen«. Ohne hier näher auf diese Arbeiten einzugehen (Leont'ev untersuchte 23 Kurgane in verschiedenen Teilen der Nekropole), möchten wir nur feststellen, daß die Ergebnisse auch dieser Ausgrabungen ihn offenbar vor allem deshalb nicht zufriedenstellten, weil »für die Frage der Lage des alten vor-polemonischen Tanais ... die Ausgrabungen von Elizavetovka keine entscheidenden Angaben geliefert haben«.⁹

Obwohl die Untersuchungen der Kurgane Leont'ev zu dem Schluß führten, daß sie wahrscheinlich nicht zum vor-polemonischen Tanais gehörten und daß über die Siedlung seiner Ansicht nach nichts sicheres auszusagen sei, hoffte er weiterhin, hier Spuren der gesuchten Stadt zu finden. Er hielt es deshalb für notwendig, in der unmittelbaren Umgebung der Siedlung durch Tranchéen an verschiedenen Stellen nach Nekropolen zu suchen, die mit dem älteren Tanais zu verbinden seien.

Schätzt man die Arbeiten Leont'evs in der Siedlung von Elizavetovka insgesamt ein, so muß man feststellen, daß von ihnen, abgesehen von dem unbestrittenen Verdienst, die Siedlung gefunden zu haben, im

могли бы быть связаны с допелемоновским Танаисом, в непосредственной близости от городища путем прокладки траншей в различных местах.

Оценивая работы Леонтьева на Елизаветовском городище в целом, необходимо отметить, что, если не считать его бесспорной заслуги самого открытия городища, они не оставили следа в науке, в отличие от его исследований Танаиса, также, впрочем, изобилующих серьезными недостатками. В соответствии с тогдашним уровнем археологических исследований, Леонтьев не оставил нам ни планов и стратиграфических разрезов раскопок, ни даже простых описей с перечнем обнаруженных находок.

После раскопок П. М. Леонтьева, которые с точки зрения поставленных задач оказались безрезультатными, интерес к Елизаветовскому городищу надолго угас. Но выдвинутая им идея о возможном тождестве этого городища с допелемоновским Танаисом продолжала жить и, хотя сам автор ее был далек от мысли, что его предположение является более, чем гипотезой, его последователи стали принимать ее за неоспоримый исторический факт.

И вот, в 1870 г., спустя 17 лет после работ Леонтьева, Императорская Археологическая Комиссия поручила своему члену П. И. Хицунову заняться исследованием Елизаветовского городища «в видах отыскания предполагаемых там остатков древнего Танаиса»¹⁰. Выполнению этого задания, однако, помешала холера, свирепствовавшая в станице, и сильное наводнение, затопившее всю местность. В 1871 г. Императорская Археологическая Комиссия возобновила свое поручение П. И. Хицунову, сформулировав его, правда, в несколько более осторожной форме: она поручала ему раскопки городища «принимаемого некоторыми за остатки древнего Танаиса»¹¹.

П. И. Хицунов провел на Елизаветовском городище весьма обширные исследования, которые, впрочем, как и раскопки его предшественника, также носили разведочный характер. Хицунов, как и Леонтьев, составил краткое описание городища, указав, что оно втрое больше Недвиговского и отметив, что вся площадь памятника чрезвычайно изрыта в разных направлениях, как он полагал, «в весьма давние времена»¹². Работы велись с сентября по ноябрь. Было заложено 40 раскопок «в виде пробных ям, каналов, рвов и т. п.», которые ввиду отсутствия плана не могут в настоящее время быть определены на местности.

По сообщению Хицунова¹³, он начал раскопки вдоль северного вала городища на всем его протяжении с небольшими перерывами, в разных пунктах. Затем, как он пишет, было произведено много раскопок на середине площади городища, на «холмообразных его возвышениях и прочих сторонах площади»¹⁴.

Всего в этой части городища работы велись в 15 пунктах. Раскопы (шурфы) имели различные размеры: от 1,5 сажень × 2 аршина (3,28 × 1,42 м) до 4 × 1 сажень (8,5 × 2,13 м) и 3 × 1,8 сажени (6,4 × 3,2 м) — то есть площадь их колебалась от 4,5 до 20,5 кв. м. Глубина шурфов достигала от 2 аршин (1,42 м) до 1,5 сажень (3,2 м). Судя по опубликованным данным, Хицунов доводил все зондажи до материка¹⁵, хотя по его рукописному отчету полной уверенности в этом быть не может: в некоторых случаях он пишет, что разборка слоев произведена до материка, в других — такое указание отсутствует¹⁶.

Давая краткое описание первых пятнадцати шурфов, П. И. Хицунов приводит также краткие сведения о находках в них и некоторые стратиграфические наблюдения. Так в 1 и 2 раскопах он отмечает много черепков простой и чернолаковой керамики и несколько амфор с клеймами, в 4–6 раскопах отмечается зола, мусор и несколько глиняных светильников. В тех редких случаях, когда, с точки зрения ученого, в раскопах встречались строительные остатки, они расширялись, как он пишет, «особыми приемками в бока раскопов»¹⁷.

Среди сообщаемых П. И. Хицуновым данных о исследованиях в средней части городища некоторые представляют несомненный интерес и сейчас. Описывая раскопы 7–9, он упоминает об открытии основания каменного фундамента из дикарного камня. По его мнению, здание имело неправильную форму, притом во многих местах фундамента были перерывы, и камни неправильно разбросаны. Можно предполагать, что на самом деле речь здесь должна идти не столько о фундаменте какого-то дома *in situ* сколько о вполне обычном развале цоколей стен, поскольку, как показывают современ-

Unterschied von seinen Forschungen in Tanais, die übrigens auch von schwerwiegenden Mängeln strotzten, keine Spuren in der Wissenschaft zurückgeblieben sind. Entsprechend dem damaligen Stand der archäologischen Forschung hat uns Leont'ev weder Pläne noch stratigraphische Profile seiner Schnitte, ja nicht einmal simple Listen der getätigten Funde hinterlassen.

Nach Leont'evs Ausgrabungen, die unter dem Aspekt der gestellten Aufgabe ergebnislos waren, erlosch das Interesse an Elizavetovka für lange Zeit. Aber die einmal von Leont'ev geborene Idee von der möglichen Identität der Siedlung mit dem vor-polemonischen Tanais lebte weiter, und, obwohl ihr Autor weit davon entfernt war, sie für mehr als eine Hypothese zu halten, begannen die Verfechter dieser Idee sie als einen unstrittigen historischen Fakt anzusehen.

So beauftragte 1870, 17 Jahre nach den Arbeiten Leont'evs, die Kaiserliche Archäologische Kommission ihr Mitglied P. I. Chicunov mit der Untersuchung der Siedlung von Elizavetovka »zwecks Aufsuchung der dort vermuteten Überreste des alten Tanais«. ¹⁰ Die Ausführung des Auftrags wurde jedoch durch die in der Stanica ausgebrochene Cholera und eine starke Überschwemmung der ganzen Gegend verhindert. 1871 erneuerte die Kommission ihre Anweisung, formulierte sie nun jedoch zurückhaltender: Sie beauftragte Chicunov mit Ausgrabungen der Siedlung, »die von einigen für die Reste des alten Tanais gehalten werden«. ¹¹

Chicunov unternahm in Elizavetovka sehr umfangreiche Forschungen, die aber wie die seines Vorgängers nur Erkundungscharakter trugen. Wie Leont'ev beschrieb er die Siedlung in kurzer Form, verwies darauf, daß sie dreimal größer als die Siedlung von Nedvigovka sei und daß ihre Fläche in verschiedenen Richtungen — wie er annahm — »in sehr frühen Zeiten« ¹² sehr stark zerwühlt worden sei. Bei den von September bis November dauernden Arbeiten wurden 40 Schnitte »in der Art von Probegruben, Kanälen, Gräben usw.« angelegt, die wegen des fehlenden Lageplans heute nicht mehr im Gelände geortet werden können. Nach einer Mitteilung Chicunovs ¹³ begann er die Arbeiten längs des Nordwalls in seiner gesamten Länge mit großen Intervallen an verschiedenen Stellen. Dann wurden, wie er schreibt, viele Schnitte in der Mitte der Siedlung, auf »seinen hügelartigen Erhebungen und an den übrigen Seiten des Platzes« ¹⁴ angelegt.

Insgesamt wurde hier an 15 Punkten gearbeitet. Die Schnitte (Sondagen) hatten unterschiedliche Ausmaße: von 1,5 Sažen × 2 Aršin (3,28 × 1,42 m) bis 4 × 1 Sažen (8,5 × 2,13 m) und 3 × 1,5 Sažen (6,4 × 3,2 m), d. h. ihre Fläche lag zwischen 4,5 und 20,5 m². Die Tiefe reichte von 2 Aršin (1,42 m) bis 1,5 Sažen (3,2 m). Nach den veröffentlichten Angaben trieb Chicunov alle Schnitte bis zum anstehenden Boden ¹⁵, obwohl man aufgrund seines handschriftlichen Berichts davon nicht voll überzeugt sein kann: In einigen Fällen schrieb er nämlich ausdrücklich, daß die Schichten bis zum Anstehenden abgegraben wurden, während in anderen Fällen eine solche Angabe fehlt. ¹⁶

In der kurzen Beschreibung der ersten 15 Schnitte führt Chicunov auch einige Funde und stratigraphische Beobachtungen an. So vermerkt er für Schnitt 1–2 viele Scherben einfacher und Schwarzfirmiskeramik sowie einige gestempelte Amphorenfragmente, für Schnitt 4–6 erwähnt er Asche, Abfälle und mehrere Tonlampen. In jenen seltenen Fällen, in denen nach Ansicht des Ausgräbers Baureste auftauchten, wurden die Schnitte »auf besondere Art in die Schnittwände« ¹⁷ erweitert.

Einige der von Chicunov zu den Untersuchungen im Mittelteil der Siedlung gemachten Angaben sind auch heute noch von Interesse. Bei der Beschreibung der Schnitte 7–9 erwähnt er die Freilegung eines Fundaments aus Bruchstein. Seiner Meinung nach hatte das Gebäude irreguläre Form, wobei das Fundament an vielen Stellen unterbrochen war und Steine nicht richtig verlegt worden waren. Tatsächlich handelt es sich nicht um ein Hausfundament *in situ*, sondern um den ganz normalen Versturz der Wandsockel; nach heutigen Erkenntnissen gab es in Elizavetovka keine Steinbauten mit irregulärem Grundriß.

Sehr interessant ist die Mitteilung Chicunovs über große Mengen von Fischgräten und ganzen Schichten von Fischschuppen — ein Fakt, der uns auch heute bei der Ausgrabung der Siedlung ständig begegnet. Zu den Schnitten 10 und 11 vermerkt er: »eine sehr große Menge Schuppen«, zuweilen ganze Schichten »in einer Dicke von einem Viertel bis einem halben Aršin« (0,17–0,35 m). Hier wurden auch Fragmente von Tongewichten und Knochennadeln zur Herstellung von Netzen gefunden. »Aus all dem wird wahrscheinlich, daß die alten Einwohner dieses Ortes vorwiegend Fischesser waren und sich wie die heute hier lebenden Kosaken hauptsächlich mit Fischfang beschäftigt haben; auf dem von mir freigelegten Platz war ein Fischfangbetrieb für Fischverarbeitung eingerichtet gewesen«. ¹⁸ Wir können heute die Lage dieser Schnitte nicht mehr genau feststellen,

ные исследования, едва ли можно допускать существование на Елизаветовском поселении каменных построек нерегулярной планировки

Большой интерес представляет сообщение Хицунова об обнаружении в указанных раскопах огромного количества рыбьих костей и целых пластов рыбьей чешуи — факт, с которым мы и в настоящее время постоянно сталкиваемся при изучении городища. Об этом же Хицунов пишет и характеризуя раскопы 10 и 11: здесь он отмечает «чрезвычайное обилие рыбьей чешуи», иногда — целые пласты «в четверть и поларшина (0,17—0,35 м) толщины». Любопытно, что вместе с тем здесь же были найдены обломки глиняных грузил и костяных игл для плетения сетей. «По всему вероятно, — заключает исследователь, — древнейшие обитатели этой местности преимущественно были ихтиофагами и занимались, как и теперешние казаки, главнейше рыболовством, а на открытом мной месте устроен был рыболовный завод для приготовления рыбы»¹⁸. Разумеется, мы не можем ныне установить точно, где были расположены упомянутые раскопы Хицунова, однако не исключено, что они находились на северо-западном краю «акрополя» городища (или непосредственно возле него), поскольку именно здесь в 1968 г. были обнаружены остатки хозяйственных или производственных сооружений, которые могут быть истолкованы как остатки рыбокоптилен.

Кроме того Хицунов сообщает о находке в этих же шурфах (или в одном из них) обломков оленьих рогов, которые, возможно, связаны с остатками костерезного производства.

Помимо описанных выше «пробных ям», Хицуновым были произведены работы еще на 25 различных раскопах в виде «каналов, рвов и т. д.», заложенных в разных возвышенных местах городища и на его южных валах. К сожалению, однако, об этих последних исследователь в своем отчете не сообщает ничего конкретного, упоминая лишь несколько находок из них: две окисленные мелкие монеты из меди и стеклянную («из желтого прозрачного камня») вставку перстня с резным изображением мужской головы в диадеме.

В конце своего отчета Хицунов приводит суммарное описание стратиграфии культурных напластований городища. Он отмечает, что верхний, наносной слой (т. е. почва) представляет собой жирный чернозем, ниже же располагаются «черный илистый песок и глина, везде почти влажные». Всего по его подсчетам при раскопках было извлечено «с разными приемками и пробными ямами до 75 куб. сажень (около 730 куб. м) земли, песку и мусора». Это позволяет прийти к заключению, что суммарная площадь памятника, охваченная исследованиями 1871 г., была довольно значительной.

Вместе с тем следует указать, что полученные результаты работ на поселении явно разочаровали П. И. Хицунова. «Не предвидя на городище ничего особенно замечательного в археологическом отношении и вообще встречая мало находок», он вскоре перенес центр тяжести своих исследований на Елизаветовский курганный могильник. Впрочем, и в данном случае, несмотря на весьма внушительные затраты труда (им было заложено более 50 раскопов на больших и малых курганах к западу и востоку от городища), общие итоги этих исследований оказались по большей части неутешительными. Только в 6 курганах удалось обнаружить костяки людей и небольшое количество маловыразительных вещественных находок. Все же остальные, по мнению раскопщика, были ограблены еще в древности, либо просто не содержали погребений¹⁹. Единственным серьезным достижением в деле изучения могильника можно считать открытие в одном из Пятибратних курганов большой гробницы, сложенной из дикарного камня без использования цемянки в качестве связующего раствора²⁰. Последнее обстоятельство позволило Хицунову со всей определенностью констатировать, что эти погребальные сооружения были возведены «для знатных особ глубокой древности, не греческого однако происхождения»²¹.

После исследований П. И. Хицунова, не приведших, как мы видели, к существенному прогрессу в изучении Елизаветовского городища по сравнению с первыми раскопками П. М. Леонтьева, интерес к нему снова был надолго утрачен.

Одним из толчков, способствовавших продолжению археологического исследования памятника, явилось, по всей видимости, сообщение заведующего Елизаветовским училищем И. И. Ушакова в Императорскую Археологическую Комиссию о чрезвычайно широком развитии в дельте Дона хищнических раскопок древних городищ и погребений²². По его словам, «здесь не осталось ни одного кур-

doch ist nicht auszuschließen, daß sie sich am Nordrand der »Akropolis« (oder in unmittelbarer Nähe) befunden haben, denn 1968 wurden hier Reste von Wirtschafts- oder Produktionsanlagen festgestellt, die man als Fischräucherei deuten kann.

Außerdem erwähnt Chicunov den Fund von Hirschhornstücken, die vielleicht mit einer Knochenschnitzerwerkstatt zu verbinden sind.

Neben den oben genannten »Probegruben« ließ Chicunov noch 25 weitere Schnitte in Form von »Kanälen, Gräben usw.« an verschiedenen erhöhten Stellen der Siedlung und an den Südwällen anlegen. Leider berichtet er darüber nichts konkretes; er erwähnt nur einige Funde: zwei korrodierte Kupfermünzen und einen Ringeinsatz aus Glaspaste (»aus gelbem, lichtdurchlässigem Stein«) mit der Darstellung eines Männerkopfes mit Diadem.

Am Ende seines Berichts gibt Chicunov eine summarische Beschreibung der Stratigraphie der Kulturschichten: Die obere Schicht (d. h. der Humus) besteht aus fetter Schwarzerde, weiter unten folgen »schwarzer, schlammiger Sand und Lehm, fast überall durchfeuchtet«. Insgesamt wurden »eingerechnet die verschiedenen Schnitterweiterungen und Probegruben bis zu 75 Kubiksaßen (ca. 730 m³) Erde, Sand und Abfälle« umgesetzt. Das läßt darauf schließen, daß die 1871 von den Untersuchungen erfaßte Fläche des Denkmals recht bedeutend war.

Zugleich aber enttäuschten die Ergebnisse: »Ich habe in der Siedlung nichts in archäologischer Hinsicht besonders Bemerkenswertes angetroffen und überhaupt wenig Funde getätigt«. Den Schwerpunkt seiner Forschungen verlegte er bald in die Kurgannekropole. Trotz bedeutenden Arbeitsaufwandes (er ließ über 50 Schnitte in großen und kleinen Kurganen im Westen und Osten der Siedlung anlegen) waren die Resultate aber auch hier größtenteils nicht überzeugend. Nur in sechs Kurganen fand man Skelette und eine geringe Zahl wenig aussagefähiger Sachfunde. Alle übrigen waren nach Ansicht des Ausgräbers schon in der Antike ausgeraubt worden oder hatten einfach keine Bestattungen enthalten.¹⁹

Als einziges konkretes Ergebnis der Nekropolenuntersuchung kann die Freilegung eines großen Grabes in einem der Fünf-Brüder-Kurgane gelten, das aus Bruchstein ohne Bindemittel errichtet worden war.²⁰ Dieser Umstand ließ Chicunov mit aller Bestimmtheit konstatieren, daß diese Grabbauten »für adlige Personen aus tiefer Vergangenheit, jedoch nicht griechischer Herkunft«²¹ angelegt worden sind.

Nach den Arbeiten Chicunovs, die gegenüber den ersten Ausgrabungen Leont'evs keinen wesentlichen Fortschritt in der Erforschung von Elizavetovka erbracht hatten, erlosch das Interesse erneut für längere Zeit.

Einer der Punkte, die zur Weiterführung der archäologischen Untersuchung des Denkmals beitrugen, war offenbar die Mitteilung des Schulleiters aus der Stanica Elisavetovskaja, I. I. Ušakov, an die Kaiserliche Archäologische Kommission, daß sich im Don-Delta Raubgrabungen großen Ausmaßes in den antiken Siedlungen und Nekropolen entwickelten.²² Nach seinen Worten »blieb hier kein Kurgan 'ungeprüft' von Sonde und Schaufel der Schatzsucher und Raubgräber«²³. Ende 1901 erhält Ušakov die Erlaubnis zur Arbeit im Bereich von Elizavetovka und unternimmt aus Zeitmangel Rettungsgrabungen nur an einem der größten Kurgane 0,6 km östlich der Stanica. Die Ergebnisse dieser höchst beschränkten Arbeiten übertrafen jedoch alle Erwartungen: Freigelegt wurde ein Kriegergrab mit Pferd und reichem Inventar, zu dem außer zahlreichen (einheimischen und aus Griechenland importierten) Keramiken Gegenstände aus Eisen und Bronze sowie Goldarbeiten antiker Toreuten gehörten.²⁴

Mit der Neuaufnahme der Untersuchungen in Elizavetovka im Jahre 1908²⁵ beginnt ein neues Kapitel in der Forschungsgeschichte dieses Denkmals, das mit den Namen des russischen Archäologen A. A. Miller und seiner Mitarbeiter verbunden ist. Da die früheren Ausgrabungen praktisch keine positiven Resultate erbracht hatten und im wesentlichen undokumentiert geblieben waren, mußte Miller gleichsam bei Null beginnen. Auch die 1909 durchgeführten Arbeiten hatten noch Erkundungscharakter. Zudem waren in diesen Jahren die Hauptbemühungen der Miller-Expedition auf die Untersuchung der Kurgane konzentriert; auf die Siedlung wurde wesentlich weniger Augenmerk gerichtet.

Miller beschrieb die Topographie der Siedlung detailliert²⁶ und fertigte einen schematischen Plan von ihr an.²⁷ Während der Jahre 1908–09 arbeitete er auf einer sehr begrenzten Stelle in zwei Schnitten im erhöhten Mittelteil der Siedlung, der sogenannten »Akropolis«. Er legte zwei Tranchéen an: eine (1908, 9,1 × 3,1 m =

гана 'неопробованного' щупом и лопатой кладоискателей-грабителей»²³. В конце 1901 г. Ушаков получает разрешение на проведение работ в районе Елизаветовского городища и за недостатком времени предпринимает охранные раскопки лишь одного из наиболее крупных курганов могильника, располагавшегося в 0,6 км к востоку от окраины станицы. Результаты этих крайне ограниченных работ превзошли, однако, все ожидания исследователя: в кургане удалось открыть погребение воина с конем и богатым инвентарем, включавшим в себя, помимо разнообразной (местной и греческой импортной) керамики, предметы из железа и бронзы и изделия античных торевтов из золота²⁴.

В 1908 г. исследования Елизаветовского городища были возобновлены²⁵. С этого времени начинается новая глава в истории изучения памятника, целиком связанная с именем выдающегося русского археолога А. А. Миллера и его сотрудников. Поскольку предшествующие раскопки, как было отмечено выше, не дали практически никаких положительных результатов и остались по существу почти недокументированными, А. А. Миллер был вынужден снова начать исследования Елизаветовского городища так сказать с «нулевого цикла» — с разведочных работ. Продолженные в 1909 г. раскопки сохранили разведочный характер. Следует отметить, что в эти годы основные усилия экспедиции Миллера были направлены на изучение Елизаветовских курганов, исследованию же городища уделялось значительно меньше внимания.

Миллер дал подробное описание топографии городища²⁶ и составил его схематический план²⁷. За два полевых сезона (1908 и 1909 гг.) им были произведены работы на весьма ограниченной площади, в пределах двух раскопов, заложенных в центральной возвышенной части поселения, на так называемом «акрополе». Это были две траншеи, одна из которых (1908 г.) длиной 9,1 м и шириной 3,1 м (площадь — 28,2 кв. м) располагалась в северо-западном углу «акрополя», а другая (1909 г.) длиной 10,6 м и шириной 3 м (площадь — 31,8 кв. м) — у северного края «акрополя» недалеко от первой.

А. А. Миллер впервые применил на Елизаветовском городище современную методику раскопок. Культурный слой разбирался пластами до 30 см толщиной до материка с послойной фиксацией находок. Мощность культурных напластований в обеих траншеях оказалась различной: в траншее 1908 г. — 1,15 м, в траншее 1909 г. — 2,1 м, но характер их — однородным. Исследователь дал описание основных групп материала, найденного в слоях, представившего, в основном, ту же картину, которая сохраняется и по сей день. Отчет его, изданный в Известиях Археологической Комиссии, содержит некоторое количество иллюстраций находок и их опись, в которую, правда, включены лишь предметы, отобранные для публикации, большая же часть находок, оставленная на месте работ, оказалась, к сожалению, незафиксированной. Следует заметить к тому же, что, дав вполне адекватное представление о различных группах материала из раскопок городища, А. А. Миллер обошел вниманием вопрос об их соотношении, что могло бы и должно было бы иметь важнейшее значение для надежного решения проблемы характера поселения²⁸. Сравнив находки из раскопок курганного могильника и городища, А. А. Миллер правильно отметил их тождество, но, исходя из принятой им концепции о Елизаветовском поселении как старшем Танаисе, пришел к ошибочному выводу, что эти материалы «могут вполне соответствовать древнему Танаису»²⁹.

Небольшие разведочные работы на Елизаветовском городище, не давшие ощутимых результатов, были продолжены Миллером и в 1910 г. у того же северного края «акрополя»³⁰. Ученый подчеркивает, что никаких следов фундаментов или правильной каменной кладки им обнаружено не было, но указывает на находки многих отдельных камней и обломков черепицы; особенно отмечается большое количество рыбьей чешуи.

Работы Миллера 1910 г. завершают первый этап в археологических исследованиях Елизаветовского городища. Весь этот этап, естественно, не может рассматриваться как качественно однородный, — между разведочными работами Леонтьева и Хицунова, с одной стороны, и Миллера — с другой, была принципиальная разница, обусловленная, прежде всего, различным уровнем развития археологической науки, ее целей, задач, методики. Он протекал под флагом поисков на месте Елизаветовского городища следов допелемоновского Танаиса. И хотя раскопки не дали явно положительного ответа на этот вопрос, он все еще оставался актуальным для исследователей памятника. При этом в его решении важную роль играла и интерпретация результатов изучения курганного могильника³¹.

28,2 m² Fläche) lag in der Nordwestecke der »Akropolis«, die andere (1909, 10,6 × 3 m = 31,8 m² Fläche) am Nordrand unweit der ersten.

Miller wandte zum ersten Mal in Elizavetovka moderne Ausgrabungsmethoden an. Die Kulturschichten wurden in Lagen bis 30 cm Dicke bis zum Anstehenden abgetragen und die Funde nach Schichten fixiert. Die Stärke der Kulturschichten war in beiden Schnitten unterschiedlich: Im ersten Schnitt (1908) betrug sie 1,15 m, im zweiten (1909) 2,10 m, doch war ihr Charakter einheitlich. Miller beschrieb die Hauptgruppen des Fundmaterials, das im wesentlichen dasselbe Bild ergibt, das sich auch heute feststellen läßt. Sein in den Mitteilungen der Archäologischen Kommission veröffentlichter Bericht enthält viele Illustrationen der Funde und ihre Beschreibung, in der freilich nur die für die Publikation ausgewählten Stücke berücksichtigt wurden. Ein großer Teil der am Ausgrabungsplatz verbliebenen Funde blieb leider ohne entsprechende Fixierung. Zudem ist zu vermerken, daß Miller zwar eine sehr adäquate Vorstellung von den verschiedenen Materialgruppen aus der Siedlung gegeben hat, aber ihren Beziehungen untereinander keine Aufmerksamkeit schenkte, was für die Beantwortung der Frage nach dem Charakter der Siedlung große Bedeutung hätte haben können und sogar müssen.²⁸

Beim Vergleich der Nekropolen- und Siedlungsfunde stellte Miller zu Recht ihre Identität fest, da er aber von der auch von ihm akzeptierten Vorstellung ausging, Elizavetovka sei das ältere Tanais, kam er zu dem falschen Schluß, daß diese Materialien »durchaus dem alten Tanais entsprechen können«.²⁹

Die kleineren Erkundungsarbeiten in der Siedlung, die ohne bemerkenswerte Ergebnisse blieben, ließ Miller auch 1910 am Nordrand der »Akropolis« fortführen.³⁰ Der Forscher betont, daß keinerlei Reste von Fundamenten oder regulären Steinsetzungen gefunden wurden, doch vermerkt er viele einzelne Steine und Ziegelfragmente, vor allem auch eine große Menge Fischschuppen.

Die Arbeiten Millers im Jahre 1910 beendeten die erste Etappe in der archäologischen Erforschung der Siedlung von Elizavetovka. Diese ganze Etappe, die man natürlich nicht als qualitativ einheitlich ansehen kann — zwischen den Erkundungen Leont'evs und Chicunovs einerseits und Millers andererseits bestand ein prinzipieller Unterschied, der vor allem durch den unterschiedlichen Entwicklungsstand der archäologischen Wissenschaft, ihre Ziele, Aufgaben und Methoden bedingt war —, lief unter der Flagge der Suche nach Spuren des vor-polemonischen Tanais auf dem Gebiet der Siedlung von Elizavetovka. Und obwohl die Ausgrabungen keine klare Antwort auf diese Frage gebracht hatten, blieb sie doch für die Erforscher des Denkmals aktuell. Dabei spielte auch die Interpretation der Untersuchungsergebnisse der Kurgannekropole eine wichtige Rolle.³¹

So sah auch Miller weiterhin in der Siedlung von Elizavetovka die Reste des alten Tanais. Diese Meinung wurde aber schon damals von einigen Forschern nicht geteilt. So verwies E. Minns darauf, daß unter den Elizavetovka-Materialien für griechische Städte typische Funde, speziell epigraphische Denkmäler, fehlen, und daß man deshalb diese Siedlung nicht als Tanais gelten lassen kann. Er hielt es für möglich, Elizavetovka mit dem von Strabon erwähnten Alopekia zu identifizieren³². Besonders scharf sprach sich M. I. Rostovcev gegen die Ansicht Millers aus: »Jedenfalls kann die Siedlung von Elizavetovka nicht die Rolle von Tanais beanspruchen. Ihre Kurgannekropole bietet das Bild, das für die Nekropolen um die Siedlungen im Gebiet von Kiev, Poltava und am Don typisch ist, keineswegs aber das einer griechischen Nekropole und nicht einmal das einer gemischten, wie wir es in der Nachbarschaft von Nymphaion, Gorgippia und den halbhellenischen Städten an der Mündung von Dnepr und Bug beobachten...«³³. Rostovcev hielt es für wahrscheinlicher, daß das vor-polemonische Tanais an derselben Stelle lag wie auch das spätere — an der Stelle der Nedvigovka-Siedlung. Dieser Standpunkt hat sich später als völlig richtig erwiesen.

Obwohl die von Miller verteidigte Ansicht, Elizavetovka sei das ältere Tanais, auf ernsthaften Widerspruch stieß, blieb sie noch lange Jahre bis vor relativ kurzer Zeit (s. u.) in der russischen und sowjetischen Wissenschaft vorherrschend.

Nach einer durch den 1. Weltkrieg, die Revolution und den Bürgerkrieg bedingten Pause wurden die archäologischen Arbeiten in Elizavetovka 1923 erneut aufgenommen. Als Leiter fungierte wiederum Miller, der der Nordkaukasus-Expedition der Russischen Akademie für Geschichte der materiellen Kultur (RAIMK) vorstand³⁴. Die Forschungsziele hatten sich gegenüber den früheren wesentlich verändert. Wenn ehemals die Ausgrabungen vor allem mit der Suche nach dem vor-polemonischen Tanais verbunden waren, sah Miller jetzt die Hauptaufgabe im Aufsuchen der vor-skythischen Schichten. Diese Aufgabe war eindeutig von der

Итак, А. А. Миллер продолжал видеть в Елизаветовском городище остатки древнего Танаиса. Однако взгляд этот уже в то время не разделялся рядом ученых. Так, Э. Миннз указывал на то, что отсутствие среди елизаветовских материалов находок, типичных для греческих городов, в частности, эпиграфических памятников, не позволяет признать это поселение Танаисом. Он считал возможным отождествлять Елизаветовское городище с Алопекией, упоминаемой Страбоном³². Особенно резко против мнения Миллера выступил М. И. Ростовцев, который писал: «Во всяком случае, Елисаветовское городище на роль Танаиса претендовать не может. Курганный некрополь его дает картину, типичную для некрополей около городищ Киевщины, Полтавщины и Подонья, отнюдь не картину греческого некрополя и даже не картину некрополя смешанного, как мы его наблюдали в соседстве Нимфея, Горгиппии и полуэллинических городов устья Днепра и Буга...»³³. Ростовцев полагал наиболее вероятным, что допелемоновский Танаис был расположен там же, где и позднейший — на месте Недвиговского городища. Эта точка зрения в будущем полностью подтвердилась.

Хотя защищаемый А. А. Миллером взгляд на Елизаветовское городище как на древний Танаис встретил серьезные возражения, он еще в течение долгих лет, вплоть до сравнительно недавнего времени (об этом — ниже), оставался господствующим в русской и советской науке.

После перерыва, вызванного первой мировой войной, революцией и гражданской войной, археологические работы на Елизаветовском городище возобновились в 1923 г. Руководителем работ опять стал А. А. Миллер, возглавивший Северо-Кавказскую экспедицию РАИМК³⁴. Цели исследования городища теперь существенным образом изменились по сравнению с дореволюционными. Если прежние раскопки были связаны, главным образом, с поисками допелемоновского Танаиса, то ныне основную задачу исследований Елизаветовского поселения А. А. Миллер видел в отыскании доскифских слоев. Эта задача, явно инициированная кардинальной переоценкой роли отдельных факторов культурного развития, происшедшей в советской исторической науке под прямым воздействием идей, высказанных крупнейшим отечественным языковедом конца XIX — первой трети XX столетий Н. Я. Марром в рамках его «яфетической теории», переименованной им же впоследствии в «новое учение о языке»³⁵, была выдвинута Миллером в связи с тем, что при работах 1910 г. на городище был найден фрагмент керамики «архаической эпохи», дававший надежду ученому на то, что на месте Елизаветовского городища скифского времени ранее существовало более древнее поселение эпохи бронзы. В соответствии с новой задачей изучение курганного могильника этого памятника отошло на второй план (в 1923 г. был раскопан лишь один малый курган).

С 23 по 28 июля 1923 г. был осуществлен осмотр городища, места некрополя (грунтового?), курганного могильника и произведена первая инструментальная (мензурная) съемка плана городища. В отчете о работах 1923 г. Миллер отмечает, что одновременно выполнялась нивелировка мерным брусом у северного края поселения. Им были также зафиксированы серьезные разрушения на территории городища, происшедшие за короткий срок, и начавшаяся его распашка. Этими небольшими работами и ограничилась деятельность Северо-Кавказской экспедиции на Елизаветовском городище в 1923 г.

Фактически столь же небольшие работы разведочного характера были проведены А. А. Миллером на городище в 1927 г.³⁶ Задача исследования оставалась прежней: выяснение — предшествует ли на городище скифской культуре доскифская, так называемая культура Кобяково II. Теперь эта задача выкристаллизовалась еще более определенно в связи с исследованиями, проведенными Миллером на Кобяковском городище и в других местах Нижнего Подонья. В соответствии с результатами этих работ на первый план выступила необходимость тщательного изучения стратиграфии памятника. В этих целях был произведен стратиграфический разрез у северного края внутренней ограды, примыкающий к старому руслу Дугина ерика. Площадь раскопа составила на уровне дневной поверхности 7 × 3,5 м; внизу она сократилась до 2 × 2 м; глубина до слоя чистого песка — 4,48 м.

Всю свиту культурных напластований А. А. Миллер разделил на два «этажа». Верхний «этаж» слоев имел мощность в 2,22 м, причем максимум культурных отложений был зафиксирован до глубины 1,60 м; ниже количество вещественного материала резко падало. Дату этого первого «этажа» Миллер определил V—II вв. до н. э., отметив, однако, что в раскопе 1927 г. весь материал укладывался в рам-

grundlegenden Neubewertung der einzelnen Faktoren der Kulturentwicklung initiiert, die in der sowjetischen Geschichtswissenschaft unter dem direkten Einfluß der Ideen erfolgt war, die der russische Sprachwissenschaftler N. Ja. Marr (Ende des 19. – erstes Drittel des 20. Jhs.) in seiner »Japheten-Theorie«, die später von ihm in die »neue Lehre von der Sprache« umbenannt wurde³⁵, dargelegt hatte. Miller stellte sich diese Aufgabe im Zusammenhang mit dem Fakt, daß bei den Arbeiten 1910 in der Siedlung ein Keramikfragment »der archaischen Epoche« zutage gekommen war, was den Forscher hoffen ließ, daß an der Stelle der Elizavetovka-Siedlung der skythischen Zeit früher eine noch ältere der Bronzezeit bestanden hatte. Entsprechend der neuen Aufgabenstellung trat die Untersuchung der Kurgannekropole nun in den Hintergrund (1923 wurde nur ein kleiner Kurgan ausgegraben).

Vom 23. bis 28. Juli 1923 wurden die Siedlung und Stellen der Nekropole besichtigt und eine erste Instrumentenaufnahme des Siedlungsplanes vorgenommen. Im Arbeitsbericht für 1923 vermerkt Miller, daß gleichzeitig eine Nivellierung mit Höhenvermarkung am Nordrand der Siedlung durchgeführt wurde. Er stellte auch starke Zerstörungen auf dem Siedlungsareal und dessen einsetzende Überpflügung fest. Auf solche kleineren Arbeiten beschränkte sich die Tätigkeit der Nordkaukasus-Expedition in Elizavetovka 1923.

Ebensolche Erkundungsarbeiten führte Miller in der Siedlung auch 1927 durch³⁶. Die Forschungsaufgabe blieb die frühere: zu klären, ob in der Siedlung der skythischen Kultur eine vor-skythische, die sogenannte Kobjakovo-II-Kultur, vorausgeht. Im Zusammenhang mit den Forschungen Millers in der Siedlung von Kobjakovo und an anderen Orten am unteren Don kristallisierte sich diese Aufgabe jetzt noch deutlicher heraus. Entsprechend den Ergebnissen dieser Arbeiten trat die Notwendigkeit einer genaueren Untersuchung der Stratigraphie des Denkmals in den Vordergrund. Dazu wurde ein stratigraphischer Schnitt am Nordrand der inneren Befestigung angelegt, der bis zum alten Lauf des Dugin erik reichte. Der Schnitt hatte oben die Maße 7 × 3,5 m und verringerte sich unten auf 2 × 2 m. Die Tiefe bis zur reinen Sandschicht betrug 4,48 m.

Die gesamte Folge der Kulturschichten teilte Miller in zwei »Etagen«. Die obere war 2,22 m stark, wobei das Maximum von Ablagerungen bis 1,60 m Tiefe reichte. Darunter fiel die Zahl des Fundmaterials stark ab. Miller datierte diese erste »Etage« auf das 5.–2. Jh. v. Chr., bemerkte jedoch, daß sich 1927 das gesamte Material im Rahmen des 5.–3. Jhs. v. Chr. bewegte. Als Begründung für die Ausweitung der chronologischen Grenze auf das 2. Jh. v. Chr. diente ein Münzfund von 1910, den Miller für einen pantikapäischen Chalkos des 2. Jhs. v. Chr. hielt³⁷. Doch der Verweis auf eine Abbildung im Katalog von P. O. Buračkov (Taf. XIX 39) zeigt, wie D. B. Šelov nachwies, daß es sich tatsächlich um eine pantikapäische Münze der zweiten Hälfte des 4. Jhs. v. Chr. (ungefähr 330–315 v. Chr.) handelt³⁸.

Die untere »Etage« der Kulturschichten war bis zu 1,20 m dick und bestand unten aus Sand, aus dem äußerst wenige Funde zutage kamen. Miller hielt diese »Etage« für vor-skythisch.

Der Hauptschlußfolgerung Millers, daß sich die Kulturschichten von Elizavetovka in zwei Abteilungen — die skythische und die den Kulturen Kobjakovo I und II synchrone vor-skythische — gliedern³⁹, schloß sich T. N. Knipovič auf der Grundlage der Studien an den Materialien aus den Grabungen von 1927 und 1928, von denen noch zu sprechen sein wird, vorbehaltlos an⁴⁰. Hierbei entwickelte sie die Idee Millers noch weiter und kam zu dem Schluß, daß ein genetischer Zusammenhang zwischen der handgeformten Keramik der skythischen und der »präskythischen« Zeit besteht, was unvermeidlich die Konsequenz hatte, daß der Elizavetovka-Siedlung eine entsprechende Siedlung der »präskythischen« Periode vom Typ Kobjakovo zugrunde liegt und daß das Leben in der Siedlung ohne Unterbrechung seit der späten Bronzezeit angedauert hat.

Wir greifen etwas vor, wenn wir feststellen, daß sich die von Miller und Knipovič vertretene Idee nicht bestätigt hat: Die umfangreichen Ausgrabungen auf großen Flächen haben nirgends eine »präskythische« Schicht zutage gebracht, obwohl Einzelfunde »präskythischer« Keramik weiterhin regelmäßig auftraten. Die unzutreffende Vorstellung führte Knipovič aber auch zu anderen gewichtigen Schlußfolgerungen, die, da ihr Ausgangspunkt falsch war, sich ebenfalls als fehlerhaft erwiesen. Bei der Interpretation einer Notiz von Chicunov zu den Funden in einer seiner Sondagen, wo er eine große Zahl von Netzgewichten, Knochennadeln, Gräten und dicke Schichten von Fischschuppen erwähnt, was ihn darauf schließen ließ, daß Fischfang und -verarbeitung in der Wirtschaft von Elizavetovka eine besondere Rolle gespielt haben (durch zahlreiche Materialien aus den Ausgrabungen der Süd-Don-Expedition wird diese Ansicht vollauf bestätigt), bemerkt Knipovič z. B., daß all das für die Schichten des 4.–3. Jhs. v. Chr. in Elizavetovka nicht typisch sei, dafür aber sehr

ки V—III вв. до н. э. Основанием для отнесения верхней хронологической границы бытования Елизаветовского поселения ко II в. послужила находка в 1910 г. монеты, которая была принята им за пантикапейский халк II в. до н. э.³⁷ Однако ссылка на рисунок каталога П. О. Бурачкова (XIX, 39), как показал Д. Б. Шелов, свидетельствует о том, что на самом деле это была пантикапейская монета второй половины IV в. до н. э. (примерно 330—315 гг.)³⁸.

Нижний «этаж» культурных напластований достигал мощности 1,2 м и в основе своей состоял из песка, в котором было крайне мало находок. Этот «этаж» Миллер считал доскифским.

К основному выводу А. А. Миллера, а именно, что культурные слои Елизаветовского городища расчлениются на два основных яруса — скифский и доскифский, синхронный культурам Кобяково I и II³⁹, безоговорочно присоединилась Т. Н. Книпович⁴⁰, базируясь на изучении материалов не только раскопок 1927, но и 1928 гг., о которых речь впереди. При этом она развила идею Миллера еще дальше, придя к заключению о генетической связи елизаветовской лепной керамики скифского времени с «доскифской», что неизбежно должно было привести к выводу о том, что в основе Елизаветовского поселения лежит поселок «предскифского» времени типа Кобякова и что жизнь на поселении протекала непрерывно с эпохи поздней бронзы.

Забегая вперед отметим, что высказанная А. А. Миллером и Т. Н. Книпович идея не подтвердилась: широкие раскопки на больших площадях пока нигде не обнаружили выраженного «доскифского слоя», хотя единичные находки обломков «доскифской» керамики продолжали встречаться регулярно. Ошибочная идея привела, однако, Т. Н. Книпович и к другим важным заключениям, которые, поскольку сама исходная идея была ложной, также оказались ошибочными. Так, например, интерпретируя сообщение П. И. Хицунова о находках в одном из его шурфов на Елизаветовском городище большого количества рыболовных грузил, костяных игл, костей рыб и мощных пластов рыбьей чешуи, приведших его к выводу об особой роли рыболовства и рыбообработки в хозяйстве жителей Елизаветовского поселения, выводу, правильность которого теперь подтверждается многочисленными материалами из раскопок Южно-Донской экспедиции, Т. Н. Книпович замечает, что все это не свойственно для слоев Елизаветовского городища IV—III вв. до н. э., но зато весьма характерно для донских поселений «догреческой эпохи»⁴¹. Исходя из посылки о «доскифском» слое Елизаветовского городища она заключает: «...весьма вероятно, что Хицунов в своих канавах наткнулся на непотревоженные слои, принадлежавшие догреческой эпохе существования Елизаветовского городища»⁴².

Вместе с тем последующие научные разработки соответствующих археологических материалов установили, что нет сколь-либо серьезных оснований говорить о синхронности елизаветовской лепной керамики типа культуры Кобяково II и наиболее ранних фрагментов античной посуды, обнаруженной совместно с ними. Исследования показали, что попытка Т. Н. Книпович «дотянуть» развитие этой культуры до рубежа VI—V или даже IV—III вв. до н. э.⁴³ несостоятельна, ибо она относится к значительно более раннему времени — X—VIII вв. до н. э.⁴⁴ Базируясь на этой датировке, Д. Б. Шелов считает вывод о непрерывности жизни на Елизаветовском поселении с эпохи поздней бронзы недоказанным⁴⁵. Вслед за И. С. Каменецким⁴⁶, он пришел к предположению о возможности существования на территории, занятой Елизаветовским городищем скифского времени, селища более раннего, но генетически с ним не связанного⁴⁷. Следует, однако, заметить, что, несмотря на развернувшиеся в последние десятилетия широкие раскопки этого памятника, никаких реальных следов стационарного поселения эпохи бронзы на нем пока не обнаружено.

Спрашивается, как же все-таки быть с «доскифской» керамикой, найденной при изучении Елизаветовского городища? Вполне приемлемый ответ на поставленный вопрос, как кажется ныне, дают последние и наиболее тщательно выполненные разработки этого материала, проведенные Э. С. Шарафудиновой. Исследовательница отмечает, что за все годы раскопок городища среди огромного массива лепной посуды обнаружено всего 35 черепков сосудов эпохи бронзы. Из них лишь 3 фрагмента принадлежат горшкам типично кобьяковских форм, а 5 других более или менее напоминают их; остальные же обломки принадлежат сосудам позднесрубной, срубной, катакомбной и даже ямной культурам⁴⁸. Справедливым поэтому представляется и конечный вывод Э. С. Шарафудиновой, согласно которому «кобьяковцы», очевидно, посещали территорию будущего Елизаветовского поселения в

charakteristisch für die Don-Siedlungen der »vorgriechischen Epoche«⁴¹. Ausgehend von der Prämisse einer »präskythischen« Schicht in Elizavetovka zieht sie den Schluß: »... es ist sehr wahrscheinlich, daß Chicunov in seinen Gräben auf ungestörte Schichten gestoßen ist, die der vorgriechischen Epoche der Existenz der Elizavetovka-Siedlung angehören«⁴².

Die wissenschaftliche Bearbeitung der entsprechenden archäologischen Materialien erbrachte später, daß es keine ernsthaften Gründe gibt, von einer Synchronität der handgeformten Keramik vom Typ der Kultur Kobjakovo II aus Elizavetovka und den zusammen mit ihr gefundenen frühesten Fragmenten antiken Geschirrs zu sprechen. Die Forschungen haben gezeigt, daß der Versuch Knipovičs, die Entwicklung dieser Kultur bis zum 6.–5. Jh. v. Chr. oder sogar bis zum 4.–3. Jh. v. Chr. »hinzuziehen«⁴³, nicht stichhaltig ist, weil sie in eine bedeutend frühere Zeit – das 10.–8. Jh. v. Chr. – gehört⁴⁴. Von dieser Datierung ausgehend, hält Šelov die Schlußfolgerung auf ein seit der späten Bronzezeit ununterbrochenes Leben in der Elizavetovka-Siedlung für unbewiesen⁴⁵. I. S. Kameneckij⁴⁶ folgend, nahm er an, daß auf dem Gebiet, das später in skythischer Zeit die Siedlung von Elizavetovka eingenommen hat, eine frühere, genetisch mit ihr aber nicht verbundene Siedlung bestanden haben könnte⁴⁷. Es sei jedoch angemerkt, daß trotz der in den letzten Jahrzehnten umfangreichen Ausgrabungen dieses Denkmals keine realen Spuren einer stationären Siedlung aus der Bronzezeit gefunden wurden.

Wie also verhält es sich mit der »präskythischen« Keramik, die hier aufgetaucht ist? Eine recht akzeptable Antwort auf diese Frage scheint die sehr sorgfältige Bearbeitung dieses Materials durch E. S. Šarafutdinova zu geben. Die Forscherin stellt fest, daß nach all den Jahren intensiver Grabungen sich unter der großen Menge handgeformten Geschirrs nur 35 Scherben von Gefäßen der Bronzezeit befinden. Davon gehören lediglich drei Fragmente zu Töpfen der für Kobjakovo typischen Formen, fünf weitere ähneln ihnen mehr oder minder. Die übrigen stammen von Gefäßen der späten Holzkammergrab-, Katakomben- und sogar Grubengrabkultur⁴⁸. Die Schlußfolgerung Šarafutdinovas ist deshalb auch wohlbegründet, daß die »Kobjakovo«-Leute das Gebiet der späteren Elizavetovka-Siedlung während der Fischfangsaison vorübergehend benutzt, hier aber keine Ansiedlung gegründet haben. Eine genetische Aufeinanderfolge der vor-skythischen Kobjakovo-Kultur und der skythischen Kultur der Elizavetovka-Siedlung läßt sich ihrer Meinung nach nicht feststellen⁴⁹.

Bedeutendere, letzten Endes aber kaum über die früheren Erkundungen hinausgehende Arbeiten führte Miller 1928 durch, wobei er auch eine Neuvermessung des Geländes vornahm. Die Ausgrabungen erfaßten eine geringe Fläche und beschränkten sich auf sechs Sondagen, die in einer Linie die Siedlung von Nord nach Süd durchschnitten. Sie befanden sich in den Hauptteilen des Denkmals: am nördlichen Verteidigungsring (Schnitt II und IV), auf der »Akropolis« (I), in der Peripherie der Siedlung nahe dem südlichen äußeren Verteidigungsring (III), auf dem Südwall (V) und hinter der Südlinie der Befestigungen (VI). Wie in den Vorjahren war die untersuchte Fläche mit etwa 100 m² gering: Die beiden größten Schnitte (I und IV) waren 24 m² groß, wobei sie sich nach unten noch verkleinerten⁵⁰.

Da aber die Stratigraphie sehr sorgfältig dokumentiert und das Fundmaterial entsprechend fixiert wurde, kommt der Feldkampagne 1928 besondere Bedeutung zu. Es wurde umfangreiches Material geborgen, das in Kombination mit den Beobachtungen der früheren Jahre Knipovič die 1934 in den Mitteilungen der Staatlichen Akademie für Geschichte der materiellen Kultur veröffentlichten Forschungen ermöglichte.

In der Forschungsgeschichte von Elizavetovka darf die Arbeit Knipovičs als besondere Etappe angesehen und ihre Bedeutung sehr hoch eingeschätzt werden. Die Forscherin bearbeitete und interpretierte alle Hauptgruppen der Funde sehr sorgfältig und verwandelte damit als erste die Materialien in eine vollwertige historische Quelle. Darüber hinaus behandelte sie ausführlich den gesamten Kreis der mit Elizavetovka verbundenen historisch-kulturellen Probleme. Einige falsche Schlußfolgerungen, von denen wir teilweise schon sprachen, waren natürlich unvermeidlich, beruhten sie doch vor allem auf dem insgesamt höchst unzureichenden Forschungsstand der Siedlung.

Erneut stand die Frage der beiden Tanais im Vordergrund. Knipovič versuchte sie mehr oder weniger ohne Voreingenommenheit zu lösen, obgleich sie natürlich unter dem Einfluß der vorherrschenden Idee stand. In diesem Zusammenhang muß hier auf die Entwicklung in den Ansichten Millers zu diesem Problem eingegangen werden. Aus seinen eigenen Forschungen in Elizavetovka und durch die Kenntnis aller seit Leont'evs Zeiten aus

период путины, но поселка здесь не основали. Генетической преемственности между предскифской кобьяковской культурой и скифской культурой Елизаветовского поселения, по ее мнению, не наблюдается⁴⁹.

Наиболее значительные, хотя также в конечном счете не вышедшие за рамки разведывательских работ, раскопки на Елизаветовском городище были проведены А. А. Миллером в 1928 г., когда была выполнена и новая инструментальная съемка памятника. В целом раскопки коснулись небольшой площади и ограничились шестью шурфами, расположенными на одной линии, пересекавшей городище с севера на юг, и заложенными на основных участках памятника: на северном поясе обороны (раскопы II и IV), на «акрополе» (I), в периферийном районе городища вблизи южного внешнего пояса обороны (III), на южном валу городища (V) и за пределами южной линии укреплений (VI). Исследованная территория, как и в предыдущие годы, была незначительной и едва ли достигала 100 кв. м: два наиболее крупных раскопа (I и IV) имели площадь всего по 24 кв. м, причем в нижних частях они еще более сокращались.⁵⁰ Поскольку, однако, одновременно велась очень тщательная фиксация стратиграфии, а также всего вещественного материала, значение полевой кампании 1928 г. оказалось весьма важным. В результате раскопок этого года был собран относительно многочисленный материал, который в сочетании с наблюдениями прежних лет дал основание Т. Н. Книпович для проведения исследования, опубликованного в ИГАИМК в 1934 г.

В истории изучения Елизаветовского городища эту работу Т. Н. Книпович смело можно назвать этапной и значение ее трудно переоценить. Исследовательница не только тщательно рассмотрела и интерпретировала все основные группы находок, впервые превратив, таким образом, елизаветовские материалы в полноценный исторический источник, но и подробно коснулась всего круга историко-культурных проблем, связанных с этим памятником. Некоторые ошибочные заключения, о которых отчасти уже говорилось выше, были, разумеется, неизбежны, что определялось, прежде всего, крайне недостаточной в целом изученностью городища.

По-прежнему наиболее животрепещущим оставался вопрос о двух Танаисах. Т. Н. Книпович первая подошла к попытке его решения в большей или меньшей степени без предвзятости, хотя она, естественно, не могла не находиться под воздействием господствующей идеи. В связи с этим необходимо, однако, прежде коснуться эволюции во взглядах А. А. Миллера на указанную проблему. В результате своих изысканий на Елизаветовском городище, а также благодаря ознакомлению на новом уровне знаний со всеми известными со времен Леонтьева материалами по раскопкам на Недвиговском городище⁵¹, Миллер не мог не заметить, с одной стороны, что ряд находок из раскопок последнего относится ко времени более раннему, чем «разгром» Танаиса Полемоном (конец I в. до н. э.). С другой же стороны, стало совершенно очевидным, что время существования поселения на месте Елизаветовского городища никак нельзя «дотянуть» до этого события. Поэтому напрямую говорить о Елизаветовском поселении как о «дополомоновском» Танаисе, а о Недвиговском — как о «постполомоновском» уже больше не приходилось. Однако, поскольку идея двух Танаисов — древнем и «возобновленном» — продолжала владеть умами исследователей, необходимо было найти новое объяснение причинам перенесения города из одного места в другое,

С этой целью А. А. Миллер предпринял в 1928 г. значительные работы по изучению палеогидрологии донской дельты, вдохновленный на это трудами геолога В. В. Богачева, согласно которым ряд прежде судоходных протоков Дона впоследствии обмелел и потерял свое значение⁵². Миллера, естественно, прежде всего интересовало прошлое в судьбе Дугина ерика, к которому Елизаветовское городище непосредственно примыкало. Исследования ученого в 1928 г. заключались в первую очередь в прокопке целого ряда шурфов на местах старых, в его время уже полностью заболоченных русел, окружавших территорию городища с севера и запада. От этих работ сохранилась составленная Миллером карта-схема, к сожалению, «немая» и поэтому не поддающаяся пока полной расшифровке. Не дошло до наших дней, к сожалению, и других данных об этих изысканиях, кроме устных воспоминаний участников экспедиции 1928 г. Б. Б. Пиотровского и П. Н. Шульца.

В результате произведенных исследований А. А. Миллер выдвинул новую идею для объяснения перенесения Танаиса в III в. до н. э. на новое место — с территории Елизаветовского городища на

den Grabungen in der Nedvigovka-Siedlung⁵¹ bekannten Materialien wußte Miller, daß einerseits eine Reihe von Funden aus letzterer einer Zeit angehörte, die vor der »Zerstörung« von Tanais durch Polemon am Ende des 1. Jhs. v. Chr. liegt, daß andererseits aber die Existenz der Elizavetovka-Siedlung ganz offensichtlich nicht bis zu diesem Ereignis »ausgedehnt« werden konnte. Elizavetovka direkt als das »vor-polemonische« Tanais und die Nedvigovka-Siedlung als das »nach-polemonische« Tanais zu bezeichnen, war deshalb schon nicht mehr angängig. Da jedoch die Idee der beiden Tanais — des alten und des »erneuerten« — weiterhin die Geister der Forscher beherrschte, mußte eine neue Erklärung für die Gründe der Umsiedlung der Stadt von einem Ort an den anderen gefunden werden.

Mit diesem Ziel unternahm Miller 1928 intensive Studien zur Paläohydrologie des Don-Deltas, angeregt durch die Arbeiten des Geologen V. V. Bogačev, nach dessen Ansicht eine Reihe früher schiffbarer Nebenarme des Don später verlandet war und an Bedeutung verloren hatte⁵². Miller interessierte natürlich vor allem das historische Schicksal des Dugin erik, der unmittelbar an Elizavetovka vorbeifloß. Er legte im Norden und Westen der Siedlung eine ganze Serie von Sondagen an Stellen alter Flußarme an, die zu seiner Zeit schon völlig versumpft waren. Ergebnis dieser Arbeiten ist eine von Miller angefertigte schematische Karte, die aber leider »stumm« ist und deshalb bis heute nicht vollständig dechiffriert werden konnte. Abgesehen von mündlichen Mitteilungen der Expeditionsmitglieder B. B. Piotrovskij und P. N. Šul'c gibt es keine anderen Informationen über diese Forschungen.

Aufgrund seiner Untersuchungen entwickelte Miller eine neue These zur Erklärung der Umsiedlung von Tanais im 3. Jh. v. Chr. von der Elizavetovka-Siedlung an die Stelle der Nedvigovka-Siedlung. Danach war der Dugin erik einst einer der schiffbaren Hauptarme des Don, der die Verbindung des alten Tanais zum Meer bildete. Im 3. Jh. v. Chr. verlandete und versumpfte er und verlor damit seine Funktion als Transportweg. Dieser Umstand zwang nun nach Millers Meinung die Einwohner, deren Wohlstand in erster Linie vom Außenhandel mit den Griechen abhing, die ihre Waren über die Mäotis zum Don brachten, ihre Siedlung zu verlassen und sie in die Gegend von Nedvigovka am rechten Ufer des Mertvij Donec zu verlegen.

Knipovič unterstützte diese neue These Millers uneingeschränkt⁵³. Zugleich aber bestand sie nicht auf der Theorie der beiden Tanais in ihrer »klassischen« Form, sondern hielt für eine endgültige Lösung des Problems weitere Ausgrabungen in der Elizavetovka-Siedlung und ihrer Nekropole für erforderlich⁵⁴. Dabei wies sie sehr zutreffend darauf hin, daß die Frage des historischen Namens von Elizavetovka in diesem Zusammenhang nur zweitrangig ist. Entscheidenden Wert maß sie dem unbestreitbaren Fakt bei, der übrigens auch heute von allen Forschern so gesehen wird, daß diese Siedlung im 4.–3. Jh. v. Chr. dieselbe Rolle als Haupthandelszentrum des unteren Dongebiets gespielt hat wie auch Tanais. Ungeachtet dieser richtigen Feststellungen hielt Knipovič auch noch viel später die Existenz zweier Tanais für sehr wahrscheinlich⁵⁵, wofür ihr die alte Interpretation Elizavetovkas als griechische (bosporanische) Kolonie im Don-Delta als Begründung diene. Später — und unlängst wohl endgültig — wurde jedoch auch diese Hypothese durch die Ergebnisse der von D. B. Šelov geleiteten Unter-Don-Expedition des Instituts für Archäologie und der von V. P. Šilov geführten Süd-Don-Expedition der Leningrader Abteilung des Instituts für Archäologie vollständig widerlegt⁵⁶.

Mit diesen Arbeiten Millers endet die zweite Etappe der archäologischen Erforschung der Elizavetovka-Siedlung, die wie die erste im Prinzip nicht über Erkundungen hinausführte. Über die mit der Geschichte der Siedlung und mit der Interpretation der gewonnenen Materialien verbundenen Studien kann man diese Etappe bis in die fünfziger Jahre verlängern.

Obwohl nach 1928 in Elizavetovka und seiner Nekropole lange Zeit keine Ausgrabungen mehr stattfanden, erlosch das Interesse an diesem Hauptdenkmal der skythischen Epoche am Unterdon nicht. Das zeigt neben der oben erwähnten Arbeit von Knipovič auch eine ganze Reihe anderer wissenschaftlicher Werke, von denen in erster Linie der Aufsatz von I. B. Zeest über die Amphoren aus der Siedlung und Kurgannekropole von Elizavetovka⁵⁷ zu nennen ist, und die Bezugnahme auf sie in größeren Monographien wie V. F. Gajdukevičs »Bosporskoe carstvo«⁵⁸ und T. N. Knipovičs »Tanais«⁵⁹. In diesen Arbeiten wird die Elizavetovka-Siedlung traditionell als das ältere Tanais charakterisiert und ihr Erscheinungsbild und ihre Geschichte unter verschiedenen Aspekten auf der Grundlage der relativ bescheidenen Angaben aus den Ausgrabungen Millers rekonstruiert.

Недвиговское. Согласно этой идее Дугин ерик некогда был одним из главных судоходных рукавов Дона, обеспечивавшим связь древнего Танаиса с морем. В III в. до н. э. рукав этот обмелел и заболотился, и дальнейшее его использование в качестве транспортной коммуникации стало невозможным. Это обстоятельство, по мнению Миллера, и заставило жителей древнего города, благосостояние которых зависело в первую очередь от внешней торговли с греками, привозившими свой товар по Меотиде к Дону, покинуть свое поселение и перенести его в район Недвиговки, на правый берег Мертвого Донца.

Следует сказать, что Т. Н. Книпович практически полностью поддержала новую гипотезу А. А. Миллера⁵³. Однако одновременно необходимо признать и другое — исследовательница больше не настаивала на теории о двух Танаисах в ее, если так можно выразиться, «классическом» варианте, считая, что для окончательного решения данной проблемы требуются дополнительные систематические раскопки Елизаветовского городища и его могильника⁵⁴. При этом она совершенно справедливо указывала и на то, что вопрос об историческом названии Елизаветовского городища в данном контексте является по сути дела второстепенным. Она явно придавала решающее значение тому неоспоримому факту, который, кстати, поддерживается всеми исследователями и ныне, что это поселение в IV–III вв. до н. э. выполняло ту же роль главного торгового центра Нижнего Подонья, что и Танаис. Вместе с тем, несмотря на эти, безусловно, верные замечания, Т. Н. Книпович и много позднее⁵⁵ считала вполне вероятным существование двух Танаисов, основанием чему служила ее прежняя интерпретация Елизаветовского поселения как греческой (боспорской) колонии в дельте Дона. В дальнейшем, однако, и, как казалось до недавнего времени окончательно, эта гипотеза была полностью перечеркнута результатами работ Нижне-Донской и Южно-Донской экспедиций ИА и ЛОИА АН СССР, проводимых под руководством Д. Б. Шелова и В. П. Шилова⁵⁶.

Работами А. А. Миллера завершается второй этап археологического изучения Елизаветовского городища, который, как и первый, в основном не вышел за рамки разведочных раскопок. Если же говорить об исследованиях, связанных с историей поселения и с интерпретацией добытых ранее материалов, то этот этап может быть продолжен до 50-х гг.

Хотя после кампании 1928 г. раскопки на Елизаветовском городище и его могильнике длительное время не производились, интерес к этому узловому памятнику скифской эпохи на Нижнем Дону не угасал. Об этом свидетельствует не только упомянутая выше работа Т. Н. Книпович, но и целый ряд других научных трудов, среди которых в первую очередь следует назвать статью И. Б. Зеест о керамической таре Елизаветовского городища и его курганного некрополя⁵⁷, а также обращение к нему в ряде крупных монографических исследованиях, таких, например, как «Боспорское царство» В. Ф. Гайдукевича⁵⁸, «Танаис» Т. Н. Книпович⁵⁹ и др. В этих работах Елизаветовское городище традиционно характеризуется как более древний Танаис, а его внешний облик и история в различных ее аспектах реконструируется на основании относительно скудных данных раскопок Миллера.

Третий этап в истории археологического изучения Елизаветовского городища начинается в 1954 г., когда по инициативе тогдашнего заместителя директора Ростовского областного музея краеведения, большого энтузиаста археологии С. М. Маркова была организована совместная с ЛОИИМК АН СССР Южно-Донская экспедиция во главе с В. П. Шиловым. Это была первая археологическая экспедиция, созданная со специальной целью исследования Елизаветовского поселения и его могильника. Все прежние раскопки как самого памятника, так и окружающих его курганов велись либо попутно, в связи с изучением Танаиса (Недвиговского городища), либо в составе более крупных организационных объединений (Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК).

Руководство Южно-Донской экспедиции поставило целью проведение исследований городища широкими площадями и провело три полевых сезона: в 1954, 1958 и 1959 гг. (раскопками руководила Н. С. Белова). Работы велись в основном в центральной части городища, на «акрополе» (участки I и II). Заметим также, что в 1958 г. в составе экспедиции находилась и небольшая самостоятельная группа польских археологов (проф. М.-Л. Бернад и З. Штеттылло), исследовавшая небольшой отрезок северной оборонительной линии. К сожалению, процесс полевых работ этих лет недостаточно хорошо документирован, что препятствует не только получению полного представления об их конкретных

Die dritte Etappe in der archäologischen Forschungsgeschichte von Elizavetovka beginnt 1954, als auf Initiative des damaligen Stellvertretenden Direktors des Rostover Bezirksmuseums, des großen archäologischen Enthusiasten S. M. Markov, gemeinsam mit der Leningrader Abteilung des Instituts für Geschichte der materiellen Kultur der Akademie der Wissenschaften der UdSSR die Süd-Don-Expedition organisiert wurde, die unter der Leitung von V. P. Šilov stand. Es war die erste archäologische Expedition, die mit dem speziellen Ziel gebildet wurde, die Siedlung von Elizavetovka und ihre Nekropole zu erforschen. Alle früheren Ausgrabungen sowohl der Siedlung als auch der umliegenden Kurgane waren entweder nebenbei im Zusammenhang mit den Forschungen in Tanais oder im Rahmen größerer Organisationseinheiten (der Nord-Kaukasus-Expedition der Staatlichen Akademie für Geschichte der materiellen Kultur) durchgeführt worden.

Die Leitung der Süd-Don-Expedition stellte die Aufgabe, die Siedlung auf großen Flächen zu untersuchen, was in drei Feldkampagnen 1954, 1958 und 1959 in Angriff genommen wurde (die Grabungen leitete N. S. Belova). Gearbeitet wurde vor allem im Zentrum der Siedlung, wo auf der »Akropolis« die Abschnitte I und II angelegt wurden. 1958 schloß sich der Expedition eine kleine selbständige Gruppe polnischer Archäologen an (Prof. M.-L. Bernard und Z. Sztetyllo), die einen kleinen Abschnitt der nördlichen Befestigungslinie untersuchte. Leider ist der Arbeitsprozeß dieser Jahre nicht ausreichend dokumentiert, was nicht nur verhindert, eine vollständige Vorstellung von den erzielten konkreten Ergebnisse zu gewinnen, sondern sogar die genaue Lokalisierung der ausgegrabenen Abschnitte unmöglich macht. Ähnlich verhält es sich auch mit den Kulturschichten, die nicht bis zum Anstehenden freigelegt wurden und somit zum Teil unerforscht blieben. Trotzdem wurde ein reiches Sachmaterial geborgen, das die Vorstellungen von den verschiedenen Lebenssphären der Siedlung beträchtlich erweiterte.

1964 wurden die Arbeiten in kleinem Umfang erneut aufgenommen (die Abschnitte III und IV unter Leitung von E. S. Šarafutdinova); im folgenden Jahr wurde der Zentralabschnitt III unter Führung von Ja. V. Domanskij erweitert⁶⁰. Seitdem arbeitet die Süd-Don-Expedition jährlich ohne Unterbrechung in Elizavetovka⁶¹.

Die Expedition erforscht Elizavetovka und seine Umgebung nach einem Perspektivplan. Erstrangige Aufgaben sind die Untersuchungen der Horizontal- und Vertikalstratigraphie in allen Teilen des Denkmals (»Akropolis« und »Peripherie«), des Befestigungssystems, der Baukomplexe und der Planung, die Suche nach Resten der ersten Siedlung vom Ende des 6.–5. Jh. v. Chr. und seit 1982 die Erforschung der Struktur der griechischen Kolonie im Bereich der »Akropolis«. Alle diese Aufgaben wurden systematisch erarbeitet und planmäßig bis heute entweder praktisch schon gelöst oder befinden sich in einem fortgeschrittenen Stadium ihrer Lösung.

Von 1966 bis 1993 wurde von der Expedition ein großes Areal (rund 16.500 m²) des Denkmals untersucht. Auf einem Teil (ca. 5.800 m²) sind alle Kulturschichten freigelegt worden, auf den übrigen rund 10.700 m² wurde nur bis zum Ausgangsniveau der Reste der griechischen Kolonie gegraben (mittlere Tiefe 0,25–0,45 m). Das geborgene, sehr umfangreiche Material ermöglichte eine vielseitige Charakteristik der Geschichte und Kultur von Elizavetovka, die sich in vielerlei Hinsicht prinzipiell von den früheren Vorstellungen unterscheidet. Der Darstellung der neu gewonnenen Erkenntnisse ist die vorliegende Monographie gewidmet.

результатах, но даже и точной локализации раскапывавшихся участков. Равным образом следует отметить и другое — раскрытие культурных слоев, как правило, проводилось не до материка, так что они частично остаются неизученными. Тем не менее в итоге был добыт значительный вещественный материал, внесший много нового в представления о различных сторонах жизни Елизаветовского поселения.

В 1964 г. работы экспедиции на городище в небольшом масштабе были возобновлены (раскопы III и IV — руководитель Э. С. Шарафутдинова), а в следующем году расширены на центральном раскопе III (руководитель — Я. В. Доманский)⁶⁰. С тех пор Южно-Донская экспедиция проводит изучение Елизаветовского городища ежегодно без перерывов⁶¹. В процессе работ экспедиции был выработан перспективный план исследования Елизаветовского поселения и его окружи. В качестве первоочередных задач определено изучение горизонтальной и вертикальной стратиграфии памятника во всех его частях («акрополе» и «периферии»), облика оборонительной системы, строительных комплексов, планировки, поисков остатков первоначального поселения конца VI–V в. до н. э., а с 1982 г. — исследование структуры большой греческой колонии на территории «акрополя». Все эти задачи разрабатывались систематически и планомерно и к настоящему времени либо практически решены, либо находятся в завершающей стадии своего решения.

За истекшие годы (1966–1993) усилиями экспедиции раскопана значительная площадь памятника (около 16500 кв. м), часть которой (около 5800 кв. м) вскрыта на всю толщу культурных напластований, а остальная (около 10700 кв. м) — только до уровня залегания остатков греческой колонии (средняя глубина — 0,25–0,45 м). Накоплен огромный материал, позволяющий дать разностороннюю характеристику истории и культуры Елизаветовского городища, во многом принципиально отличающуюся от прежних представлений о нем. Решению этой задачи и посвящена настоящая монография.

¹ Clarke 1816, 411 f.

² Два письма Стемповского к Бларамбергу о местоположении Древнего города Танаис.

Zwei Briefe Stempkovskijs an Blaremberg über die Lage der antiken Stadt Tanais, in: Прописи. Москва 1854, IV, 393.

³ Леонтьев 1854, 506 след.

⁴ Там же, 512. / Ibid., 512.

⁵ Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1853 г., Д. 25. Л. 56.

Handschriftenarchiv des Instituts für Geschichte der materiellen Kultur der Russischen Akademie der Wissenschaften, F. 1, 1853, D. 25, Bl. 56.

⁶ Там же, Л. 73.

Ibid., Bl. 73.

⁷ Леонтьев 1854, 512.

⁸ Там же, 518. / Ibid., 518.

⁹ Там же. / Ibid.

¹⁰ ОАК за 1870–71 гг., Спб. 1874, XXV.

¹¹ Там же, XLI. / Ibid. XLI.

¹² Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1869 г., Д. 10, Л. 64.

Handschriftenarchiv des Instituts für Geschichte der materiellen Kultur der RAW, F. 1, Op. 1. 1869, D. 10, Bl. 64.

¹³ Там же, Л. 65–66. / Ibid., Bl. 65–66.

¹⁴ Там же. / Ibid.

¹⁵ ОАК за 1870–71 гг., XII.

¹⁶ Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1869 г., Д. 10, Л. 65–66.

Handschriftenarchiv des Instituts für Geschichte der materiellen Kultur der RAW, F. 1. Op. 1. 1869, D. 10, Bl. 65–66.

¹⁷ Там же, Л. 65 (раскопы 7–9). / Ibid., Bl. 65 (Schnitt 7–9).

¹⁸ Там же / Ibid.

¹⁹ Там же, Л. 66. / Ibid., Bl. 66.

²⁰ Там же, Л. 67. / Ibid., Bl. 67.

²¹ Там же, Л. 68. / Ibid., Bl. 68.

²² Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1901 г., Д. 240. Л. 1.

Handschriftenarchiv des Instituts für Geschichte der materiellen Kultur der RAW, F. 1. Op. 1. 1901, D. 240, Bl. 1.

²³ Там же, Л. 9. / Ibid., Bl. 9.

²⁴ Там же, Л. 11–14. / Ibid., Bl. 11–14.

²⁵ Миллер 1910, 86 след.

- 26 Там же, 120 след. / Ibid., 120 f.
- 27 Там же, 120, рис. 27. / Ibid., 120, Abb. 27.
- 28 Ср.: / vgl.: Книпович 1934а, 115.
- 29 Миллер 1910, 124.
- 30 ОАК за 1909–1910 гг., Спб. 1913, 141; 146.
- 31 Подробнее об истории изучения Елизаветовского могильника см. главу 8.
- Näheres zur Forschungsgeschichte der Nekropole von Elizavetovka s. Kap. 8.
- 32 Minns 1913, 567.
- 33 Ростовцев 1925, 529; ср.: / vgl.: Rostovtzeff 1931, 469; Ростовцев 1918, 154.
- 34 Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2, Оп. 1. 1923 г. Д. 74 Л. 51; 1924 г. Д. 102. Л. 7 след.; Миллер 1925а, 22 след.
- Handschriftenarchiv des Instituts für Geschichte der materiellen Kultur der RAW, F. 2, Op. 1. 1923, D. 74, Bl. 51; 1924, D. 102, Bl. 7 f.; Миллер 1925а, 22 f.
- 35 Напомним, что одним из основных постулатов этого учения стало практически полное отрицание сколь-либо значительных влияний миграций на формирование исторического процесса. Отказ от миграций и связанных с ними культурных заимствований сопровождался постановкой новой задачи перед археологией — «... утверждать смену форм, эволюцию в результате часто революционных взрывов накопившихся сил, открывать законы таких смен мутационного порядка, перевоплощения, да и самого происхождения, с поисками их не во внешних, а в развитии внутренних данных». См.: Мapp 1933, Т. 1, 246.
- Wir erinnern daran, daß eines der Hauptpostulate dieser Lehre die praktisch vollständige Negierung irgendwelcher wesentlicher Einflüsse der Migrationen auf die Gestaltung des historischen Prozesses war. Die Abkehr von den Migrationen und den mit ihnen verbundenen kulturellen Entlehnungen stellte der Archäologie als neue Aufgabe, »... den Wechsel der Formen, die Evolution im Ergebnis oft revolutionärer Explosionen der sich angesammelt habenden Kräfte zu bestätigen, die Gesetze solcher Wechsel der Mutationsordnung, der Verflechtung, ja sogar selbst der Herkunft mit ihrem Aufsuchen nicht in den äußeren, sondern in der Entwicklung der inneren Daten aufzudecken«. S.: Mapp 1933, Bd. 1, 246.
- 36 Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1927 г., Д. 101, Л. 66.; 95–104.
- Handschriftenarchiv des Instituts für materielle Kultur der RAW, F. 2. Op. 1, 1927, D. 101, Bl. 66; 95–104.
- 37 Миллер 1929, Т. II, 85, прим. 3.
- 38 Шелов 1970, 27.
- 39 Миллер 1929, 81 след.; 89 след.
- 40 Книпович 1934а, 167 f.; 173–175; 185 f; Книпович 1949а, 8 след.
- 41 Книпович 1934а, 186.
- 42 Там же. / Ibid.
- 43 Там же, 168. / Ibid., 168; Книпович 1934б, 109; Книпович 1949а, 129.
- 44 Кривоцова-Кракова 1955, 160; Шарафутдинова 1973, 3 след.
- 45 Шелов 1970, 47 след.
- 46 Каменецкий 1965, 18.
- 47 Шелов 1970, 48.
- 48 Шарафутдинова 1973, 24.
- 49 Там же. / Ibid.
- 50 Следует заметить, кстати, что параллельно с работой Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК на городище провел тогда свои вполне самостоятельные исследования небольшой отряд ростовских археологов, возглавляемый С. А. Вязигиным. Впрочем, объем этих исследований оказался еще более скромным. Заложный ими единственный раскоп (примерно в «... 50 м к западу от внутренней ограды») был вскрыт уступами и имел в верхней части площадь около 20 кв. м, а в нижней — всего около 4,5 кв. м. См.: Вязигин 1929а, 48 след.
- Hier ist anzumerken, daß damals parallel zu den Arbeiten der Nordkaukasus-Expedition der Staatlichen Akademie für Geschichte der materiellen Kultur (GAIMK) eine kleine Abteilung Rostover Archäologen unter Leitung von S. A. Vjazigin eigene Forschungen in Elizavetovka durchführte. Der Umfang dieser Arbeiten war übrigens noch bescheidener. Der einzige Schnitt (ungefähr »... 50 m westlich der inneren Begrenzung«) wurde stufenförmig angelegt und erfaßte oben rund 20 m², unten nur noch 4,5 m². S.: Vjazigin 1929а, 48 след.
- 51 Об истории изучения Недвиговского городища см.: Книпович 1949а, 17 след.; Шелов 1970, 7 след.
- Zur Forschungsgeschichte der Nedvigovka-Siedlung s.: Книпович 1949а, 17 след.; Шелов 1970, 7 след.
- 52 См.: Богачев 1910, 236 след.
- 53 Книпович 1934а, 194 след.
- 54 Там же, 193; 195. / Ibid., 193; 195.
- 55 Книпович 1949а, 124.
- 56 Шелов 1970, 16; Шилов 1961, 168.
- 57 Зеест 1951, 119–125.
- 58 Гайдукевич 1949, 227; 230 f.
- 59 Книпович 1949а, 6–8.
- 60 Доманский 1966, 118 след.
- 61 Начальник экспедиции в 1964 и 1965 гг. — В. П. Шилов, в 1966–1980 гг. — И. Б. Брашинский, а с 1981 г. — К. К. Марченко.
- Leiter der Expedition waren 1964–1965 V. P. Šilov, 1966–1980 I. B. Brašinskij, seit 1981 K. K. Marčenko.